органично перекликается со словами самого Мастера: «Каждая работа должна быть пронизана светом любви в высоком христианском смысле этого слова»[4].

Современники В.М. Клыкова, его друзья и соратники высоко оценивали его многогранную деятельность: «Его скульптуры, его творчество было актом религиозного деяния, актом сражения духовного»; «Трудно охватить одним взором вклад, сделанный В.М. Клыковым в сокровищницу русской культуры, в возрождение православного русского народа, в сохранение и утверждение лучших традиций русской государственности»; «Поразительны труды, совершенные Вячеславом Михайловичем за семнадцать лет его православного периода творчества. Это была настоящая проповедь в скульптуре подвижнического служения Христу и России»[5].

Обаяние личности Вячеслава Михайловича, воздействие его творчества, его мощного таланта испытывали на себе тысячи и тысячи людей, которые общались с ним, встречались хотя бы однажды. В моей памяти сохранились воспоминания о скульпторе, когда в 1996 году в числе участников Марша мира, организованного Курским отделением Российского Фонда мира, мне посчастливилось побывать в Советском, Черемисиновском районах, в Мармыжах. Здесь и состоялось знакомство с В.М. Клыковым. Высокий, подтянутый, в форме генерала казачьих войск, он прекрасно выступил перед собравшимися в зале вокзала станции Мармыжи. А затем он принял участие во встрече с молодежью, студентами медицинского института, участниками Марша под их дружные возгласы «Любо!». На память об этой встрече в моем архиве сохранилась совместная фотография, а несколько позднее, когда в 1998 году вышла моя книга «У Победы есть имена», где опубликован материал о маме Вячеслава Михайловича, пережившей фашистскую оккупацию, состоялась еще одна памятная встреча. Вручив книгу Вячеславу Михайловичу, я увидела скатившуюся по его лицу слезу. С благодарностью он обнял меня и расцеловал. В общении с людьми Вячеслав Михайлович был открыт, доступен и доброжелателен. Таким он мне и запомнился.

Вячеслав Михайлович Клыков был также крупным общественным деятелем. Достаточно вспомнить, что созданный Международный Фонд славянской письменности и культуры, учрежденный им в 1989 году при участии Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в кризисное время сыграл важнейшую роль в становлении и распространении славянского единства. По инициативе Клыкова и возглавляемого им Фонда 24 мая был утвержден как государственный праздник славянской письменности и культуры. В 1992 году по инициативе Международного Фонда славянской письменности и культуры впервые в Россию был привезен Благодатный огонь от Гроба Господня из Иерусалима. Неугасимую Лампаду провезли через все таможни, несмотря на многие запрещающие инструкции. Это было в канун православной Пасхи. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II под звон колокольни Ивана Великого пронес Неугасимую Лампаду с Благодатным Огнем. Он сказал, что это событие является переломным моментом в судьбе России, славянских стран и славянских народов.

Именно по инициативе Фонда ежегодно стали проводить Дни славянской письменности и культуры в России. Первый раз он проводился в Мурманске, затем в Вологде, Великом Новгороде, Киеве, Минске и других городах. И в этом большая заслуга В.М. Клыкова. Его работы, отражающие историю православия в России, украшают и наш Курский край. В Советском районе по проектам Клыкова установлен Крест Кириллу и Мефодию; Поклонный Крест близ Черемисиново и в Красной Поляне, памятник преподобному Серафиму Саровскому в Коренной пустыни. Там же в местечке Свобода по проекту В.М. Клыкова сооружен мемориальный комплекс в честь иконы Божией Матери «Знамение» – Курская Коренная[6].

В самом Курске установлена монументальная «Богоматерь Знамение Курская Коренная». Торжественное открытие памятного знака было приурочено к 700-летию обретения Иконы Божьей Матери

Знамение Коренной (21 сентября 1995 г.). Она и сейчас, как и в прежние столетия, является Заступницей и Покровительницей Курского края.

Как рождаются у скульптора замыслы, как приходят образы – интересно всегда. Курский журналист Т. Вишневская в одной из своих публикаций привела такой эпизод: «Пытаюсь подступиться к любимому образу Клыкова – Преподобного Серафима Саровского – и получаю суровое: «– Это за семью печатями. Я сам не знаю, что здесь происходит и как. Это сугубо личное, и нельзя выносить никуда. Если что-то удалось, то Слава Богу. Значит, было на то благословление Господа, а может быть, преподобного Серафима»[7].

В год 1020-летия крещения Руси, 24 мая 2008 года, в Курском государственном университете прозвучал первый звон колокола на освящение нового храма во имя святых великих равноапостольных Кирилла и Мефодия, построенного по благословлению схимитрополита Ювеналия. Так была завершена реализация очередного проекта нашего земляка В.М. Клыкова. Архиепископ Курский и Рыльский Герман после освящения храма совершил Божественную литургию, а затем состоялось открытие нового культурного объекта в городе Курске – летней концертной площадки. В торжественной церемонии приняли участие архиепископ Курский и Рыльский Герман, губернатор Курской области А.Н. Михайлов, ректор КГУ В.В. Гвоздев, преподаватели, студенты вуза.

С большой радостью и чувством благодарности была встречена участниками торжества правительственная телеграмма от премьер-министра России В.В. Путина, по определению которого освящение храма в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия стало значительным событием в духовной и культурной жизни региона и всей России[8].

30 мая 2000 года в Курской области торжественно отмечалось 780-летие со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. В этот день в честь его была открыта мемориальная доска на одном из зданий улицы Александра Невского. 15 октября 2000 года в центре города, при входе в парк Первого мая, открыт памятник святому Александру Невскому. Величественная скульптура – подарок городу нашего земляка В.М. Клыкова.

А несколько раньше,17 сентября 2000 года был открыт памятный знак в виде барельефа, посвященный святому преподобному Феодосию Печерскому в Курской православной гимназии[9]. Работал Вячеслав Михайлович и над памятником отцу Ипполиту из Рыльского монастыря, который планировал установить в Марьино под знаменитым дубом. Скульптор изобразил батюшку, а рядом хотел разместить голубей и белочку – они всегда его окружали. Отец Ипполит, по словам Клыкова, любил кормить их прямо из рук[10].

Как-то Вячеслав Михайлович заметил: «Мне уже 60 лет. И в течение всей жизни никогда не терял связи со своей родиной: тогда, когда еще учился в Московском художественном институте, и потом, работая самостоятельно как художник. Я часто приезжал в село Мармыжи, поддерживал постоянно тесные связи с Курской областью. Я человек русский и должен постоянно стоять за русских людей… Это мои принципы, которыми никогда не поступался»[11]. На своей родине, в селе Мармыжи, усилиями и стараниями скульптора на его личные средства был заново построен храм Покрова Пресвятой Богородицы, на том самом месте, где он был разрушен в хрущевские времена. Под стенами этого храма нашел свой последний приют великий скульптор.

С любовью к родной земле В.М. Клыков говорил: «Уверен, что с возрождением храма начнется возрождение села, подведут дороги и т. п. В 1934 году в селе Мармыжи было всего 920 домов, а сейчас – лишь 16 с доживающими свой век стариками! А какая там прекрасная земля, угодья!» Как-то в другом интервью Вячеслав Михайлович сказал: «Хвала Господу Богу за то, что мне довелось так счастливо родиться в маленькой деревеньке в самом сердце России. Мармыжи многое определили в моей судьбе»[12].

Здесь, в Мармыжах, теперь находится музей В.М. Клыкова, где собраны личные вещи скульптора, модели памятников, фотодокументы, эскизы его работ. Фонд

музея располагает фильмами о творчестве В.М. Клыкова: «На земле Святой Руси», «Непокоренная Россия». Миссия музея, увековечивая память выдающегося скульптора и общественного деятеля, приобщать людей, особенно молодежь, к великому прошлому национальной культуры, патриотическим идеям.

В Курске одна из новых улиц названа именем скульптора. Здесь же установлен памятник В.М. Клыкову, автором которого является сын великого Мастера – А.В. Клыков. Куряне свято чтут память о своем выдающемся земляке, внесшем огромный вклад в духовное возрождение России.

[1] Дыхание вечности// Курская быль. 2008. № 5. С.11.

[2] Гуляева Р.В.// Творческий дар скульптора В.М. Клыкова школе № 8 г. Курска// Курская быль. 2000. № 4. С. 2.

[3] Слово о Клыкове// Курская быль. 2000. № 8. С. 6.

[4] Курская быль. 2008. № 5. С. 14.

[5] Сергей Малютин Заступник Земли Русской. На годовщину кончины скульптора Вячеслава Клыкова //Толока. Издание творческих союзов 1997–2007. 2007. № 56. С. 55; Его же. Заступник Земли Русской. Специальное приложение к журналу. VIP. Взгляд. Информация. Партнерство.

[6] Александр Сахаров. Воин святой Руси. К 70-летию Вячеслава Клыкова// Регион-46. 2009. 15 сентября.

[7] Наши земляки... И свеча бы родовая не погасла. Т. XVIII. Курск: КИСО-РГСУ, 2004. С. 246–247.

[8] Макарова О.В. День славянской письменности и культуры // Курская быль. 2008. 29 мая. С. 11.

[9] Курская быль. 2000. № 8. С. 5.

[10] Курский край. Научно-популярная серия в XX томах. Т. XVIII. С. 247.

[11] Курская быль. 2008. № 5. С. 13.

[12] Малютин С. Заступник Земли Русской. Специальное приложение к журналу. VIP. Взгляд. Информация. Партнерство. С. 56.

УДК [348.04:271.2](093)(470.319)

МАТВЕЕВА Е.С.

Метрические книги как исторический источник (на материалах Орловской губернии)

В статье рассмотрены вопросы появления метрических книг как исторического источника, а также особенности формирования и применения их в России. Определены аспекты во взаимодействии светской и духовной власти в России на материалах Орловской епархии.

Ключевые слова: светская власть, духовная власть, духовенство, метрические книги.

Метрические книги можно рассматривать как первичные источники регистрации половозрастной структуры и гражданского состояния населения в России. В современный период развития государства в соответствии с ФЗ «Об актах гражданского состояния»[1] под актами гражданского состояния понимается регистрация и учёт в установленных законом органах власти (отделы ЗАГС или их заменяющие) факты рождения, смерти, заключения или расторжения брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, смена имени, отчества или фамилии[2]. В историческом аспекте в качестве актов гражданского состояния в России исследуются метрические книги. Они представляют собой совокупность актов культовой регистрации, которая удостоверяет события крещения, венчания и погребения определённых лиц в виде хронологических записей в книжной форме. Эти записи были совершены в Церкви по определённым религиозным обрядам, которые законодательно действовали до образования органов записи актов гражданского состояния, поэтому они приравниваются к самим актам гражданского состояния.

В России кроме Православной церкви существовали и другие вероисповедания, поэтому на священников других конфессий также возлагались обязанности ведения своих метрических книг. В евангелическо-лютеранской церкви метрические книги появляются с 1764 года (с последовавшим в 1832 году объединительным Законом), в римско-католической церкви – с 1826 года, у мусульман – с 1828 и 1832 годов, для мусульман Закавказского края – с 1872 года, у евреев – с 1835 года, у раскольников – с 1874 года, у баптистов – с 1879 года. С выделением придворного и военного духовенства в самостоятельные ведомства единая в XVIII веке система регистрации актов гражданского состояния утратила целостность – появились отдельные метрические книги военных и придворных ведомств.

Первые попытки ведения православных приходских книг были сделаны в Малороссии. Львовский епископ Иосиф Шумлянский был автором церковного учебника «Метрика», где рассуждал: «Метрика, которая що значит, для чого и як давно есть в церкве Божией, тут вкоротце описуется»[3]. Автор в своём произведении ссылается на «метрополитанской собор» 1646 года, который созван был в Киеве Петром Могилой, на котором было постановлено ведение каждым священником метрической книги, но эта традиция надолго не прижилась.

Уже в решении Московского церковного собора (1666–1667 гг.) Церковь законодательно закрепляла введение метрических тетрадей или книг, которые являлись публичным материалом и служили важным статистическим и историческим источником. Православная метрическая книга представляла собой определённый реестр для официальной записи актов гражданского состояния. При Петре I впервые уже в

светском указе от 1702 года «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших»[4] закреплялась обязанность московских приходских священников заполнять еженедельные ведомости, которые они доставляли в Духовный приказ. Но повсеместного ведения метрических книг не было. В мае 1722 года утверждаются прибавления к «Духовному регламенту», по которым на всей территории Российской империи повсеместно вводится ведение метрики. Книги велись плохо, и об этом свидетельствует большое количество дополнительных указов и распоряжений Синода от 1779, 1802, 1812, 1824, 1838 гг., которые указывают на необходимость ведения этих книг.

С 1724 года Синод разрабатывает первые графические формы для заполнения метрики, а также дополнительные инструкции по их ведению, но правильное ведение книг привилось не так быстро. Метрические книги состояли из трёх частей, поэтому их иногда называли «троечастные книги». В первой части книги «о рождающихся» содержалась информация о рождённом, его родителях и восприемниках (крёстных отце и матери), месте проживания, сословной принадлежности, роде деятельности, о законности брака и вероисповедании. Иногда указывали имя священника и причта, которые проводили обряд крещения. Вторая часть книги «о бракосочетающихся» фиксировала, кто венчан: фамилия отца (или для женщины, уже бывшей в браке, – по первому браку), имя и отчество, их возраст, день венчания, кто поручители или поезжане, а также очерёдность брака. Третья часть содержала информацию «об умерших» – кто умер, его возраст, где проживал, его сословное положение, причина смерти, когда приобщен, где погребен[5]. В каждой из частей могла содержаться информация о числе родившихся, умерших и повенчаных за год.

Встречается различное ведение книг – указанные три раздела могли находиться в одной книге, а могли вестись в трёх разных книгах, но у каждой записи был свой порядковый номер. Указ «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» был издан Синодом в 1779 году, с этого периода во всех церковных приходах обязательно вводится письменное фиксирование треб, которое должно было сдаваться в консистории на хранение и проверку. По императорскому Указу 1794 года священникам необходимо было сдавать информацию в консистории об общем числе рождённых, умерших и вступивших в супружество за год. Консистории должны были собирать общую информацию по епархии и в обозначенные сроки передавать в канцелярию Святейшего Синода, а та в свою очередь отчитывалась перед Обер-прокурором перечневой выпиской[6]. На консисторских секретарей могли наложить взыскания за несвоевременное предоставление документов.

В связи с общим «учреждением о губерниях Российской империи» была учреждена Орловская губерния (6 мая 1788 года). После учреждения губернии Екатерина II в именном Высочайшем Указе от 6 мая 1788 года, данном Синоду 15 мая 1788 года, объявила о необходимости объединении епархий в соответствии с разделением Российской империи на губернии: «...Приводя разделение епархий по возможности в сообразном с настоящим разделением губерний, повелеваем:.... Севскому Епископу, именуясь Орловским и Севским, быть отныне местным, имея в епархии своей все монастыри и церкви Орловского наместничества, с пребыванием в прежнем Архиерейском доме в Севске...»[7]. В Указе назначили первого епископа – им стал Архимандрит Аполлос из Ставропигиального Воскресенского монастыря[8]. Орловская и Севская епархия была образована из Севского викариатства, частично в неё также вошли часть Калужской епархии и самые отдалённые части Московской епархии. С момента образования Орловской епархии начинается и ведение метрических книг. Со стороны священно-церковнослужителей документация велась неисправно. От пропусков в метрических, обыскных книгах и исповедных росписях появляется много запутанных дел. Некоторые граждане затруднялись по времени доказать своё происхождение и поэтому впоследствии лишались фамильных и наследственных прав на имущество. Эти неточные записи приводили к серьёзным последствиям как для тех лиц, которые по-

страдали от упущений, так и для самих священно-церковнослужителей. Например, в материалах Государственного архива Орловской области существует прошение государственного крестьянина Орловской губернии Самуила Рыбалкина об исправлении ошибки священника Летвинского, который не вписал в метрику рождение его сына Ивана и требовал от него денег для записи. Крестьянин также просил о производстве над этим священником следствия[9]. Духовных лиц, которых уличали в плохой работе или подлоге, ожидало осуждение епархиальными судебными органами – Духовной консисторией или самим Епископом[10].

Епархиальное устройство в Орловской губернии изменилось по Указу Императора от 31 июля 1799 года. По указу Орловская и Севская епархия переименовывалась в Орловскую епархию третьего класса[11]. Орловская губерния включала в себя современные Орловскую и Брянскую, а также часть Липецкой области и была разделена на двенадцать уездов: Орловский, Мценский, Болховский, Елецкий, Ливенский, Малоархангельский, Кромской, Карачевский, Брянский, Дмитровский, Севский и Трубчевский. Основной единицей епархиального деления в России являлся приход, численность и границы которых постоянно менялись. Центром прихода в уездах являлось село, в состав которого могло входить ещё несколько более мелких населенных пунктов. Известны случаи, когда части одного и того же населенного пункта относились к разным церковным приходам, что характерно для городов и крупных сел, но это было в исключительных случаях. По Духовному регламенту 1721 года 7–10 церквей с приходами составляли Благочиннический округ. В пределах новой Орловской епархии было 824 храма: из прежней Севской епархии – 506; из Воронежской – 196; из Крутицкой – 68[12]. В архиве Духовной консистории были подшивки метрических книг за 1 год по округам. Консистории также разделяли приходские церкви уезда на группы по 10 церквей, и одного из этих приходских священников назначали Благочинным. Именно у Благочинных в основные обязанности входил контроль за поведением священников в быту, правильностью ведения священнослужения, метрических книг и другой церковной документации. Дважды в год благочинный приезжал в приход с проверкой.

В материалах Орловской и Севской консистории сохранился документ от 1802 года с Указом Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода[13], по которому в Духовном регламенте официально закрепилась обязанность для всех приходских церквей вести метрические книги, брачные обыски и исповедные росписи (ведомости), что действовало в епархии уже с 1779 года. В этих документах велись записи рождающихся, вступающих в браки, умерших, исповедовавшихся на территории, принадлежавшей к данному приходу. Эти прошнурованные тетради с белыми листами раздавались Духовными Правлениями в начале года по одной на каждую церковь, а не на каждого причта или священника. Если они заканчивались, то выдавались дополнительные книги для дальнейших записей. Тетради должны были составляться «…в известной для единообразия форме…» и с обыкновенными заголовками. Запись треб о рождении или крещении младенцев, венчании браков, погребении умерших вели сами священники, дьяконы или причетники. Записи делать необходимо было сразу, так как они визировались Благочинным или одним из Присутствующих в данной епархии. Эти требования закреплялись Указом из Святейшего Синода уже с 6 мая 1797 года. Если по тем или иным причинам были сделаны изменения в записях, то они должны быть с пометкою о том, кто сделал исправления. Все спорные ситуации с записями передавались в специальный отдел консистории. Например, во время войн по епархиям рассылались печатные списки лиц, которые пострадали или погибли, для сведения и уточнения метрики[14]. Или само государство могло запрашивать определённую информацию о семье или родственных связях. Например, в Именном Указе от 14 июля 1799 года император перечислил 20 семей, которые будут награждены Орденами Святого Иоанна Иерусалимского и фамильными Командорствами за заслуги перед Отечеством, поэтому делались запросы в епархии для установления и сведения родственных связей в этих семьях[15].

В завершении года эти книги и их копии сверялись, просматривались, делались исправления, подводя итог за год. В зависимости от размера прихода общее количество страниц варьировалось от 200 до 300, в них содержался материал о регистрации треб за несколько лет. Во избежание подлога, упущений и ошибок ответственность ложилась на весь приходской причт. Книги заверялись подписью всех священников, если есть – дьяконов, дьячков и пономарей из прихода и отправлялись в Духовное Управление, где их так же заверяли все священно-церковнослужители консистории, ставили казенную, гербовую печать[16] и разделяли в отдельные переплёты по городам и уездам. Вид архивного материала консистории и прихода различался, так как в консистории сшивали книги за год по всем приходам одного уезда или города, общий объём их был от 1000 до 1200 листов. Работники консистории должны были бережно относиться к документации в архивах, в этом их контролировал один из Присутствующих в консистории, который делал доклад об их целостности Преосвященному Епархиальному Архиерею, который, в свою очередь, отчитывался в Святейший Синод. При этом копии или списки с этих книг обязательно должны были находиться в самих церквах, а не в домах священников. Книги хранились в церквах в ризницах, «… со всевозможною бережливостию от гнилости, и, чего Боже сохрани, от пожара…»[17]. Копии метрических книг и брачных обысков были необходимы для удобства выдачи справок на местах, а для более точной информации можно было обратиться и в саму консисторию.

Если Благочинные выявляли, что духовные лица не справлялись с ведением и содержанием данных тетрадей, или находили неточности и упущения в этих записях, то они, основываясь на благочиннических инструкциях, могли побуждать священников к исправлению неточностей. Неправильное ведение метрических книг приравнивалось к нарушениям Духовного регламента и, следовательно, подходило под церковно-судебную юрисдикцию. «Нерадивых» священников Благочинные могли доставлять в Консисторию или к Духовному Правлению, которые могли лишить их возможности ведения священнослужения и треб[18].

Однако и эти негативные последствия для духовных лиц, связанные с неполным заполнением метрических книг, не приводили к нужному результату. Свидетельством этого можно, например, считать частное обращение и жалобы Гавриила, епископа Орловского и Севского, от 8 декабря 1824 года в Правительствующий Синод с просьбой обязать Благочинных, относящихся к конкретной епархии, проверять основную и копированную документацию церкви и записи всех треб, скрепляя эти документы печатями и подписями, а также сократить сроки сдачи книг с года до полугодия, где отправными датами считать 1-е января и 1-е июня[19].

С 1831 года в Указе Синода опять закрепляются новые требования к заполнению формуляров метрических книг, вводится раздельная нумерация по полу в записях о рождении, уточняются названия отдельных граф. Только к 1838 году окончательно утверждаются формуляры метрических книг, которые просуществовали до 1917–1918 гг., до момента учреждения ЗАГСа.

Итак, окончательная форма метрических книг состояла из трёх частей, в первой содержалась информация о рождении – дата, имя и фамилия человека, место жительства, имя, возраст, сословное состояние и вероисповедание родителей и крёстных, а также законность или незаконность рождения; во второй части содержалась информация о заключении брака – указывались имена, фамилии и возраст жениха и невесты, их национальность, вероисповедание и место жительства, указывалась дата их венчания, а также имена свидетелей; в третьей части содержится информация о смерти человека – его имя, фамилия, место жительства, дата и причина смерти и место его захоронения. Родители новорожденного, восприемники и свидетели должны были скреплять своей подписью эту информацию, проверяя правильность записи. В метрических книгах II половины XIX–начала XX в. указывали и день Святого, в который крестили. В приходах или консисториях могли предоставлять дополнительное свидетельство или выписку из метрической книги, если человек его терял, выезжал за пределы уезда или если на этого человека делали запрос из других ведомств. В самой метрике ставили дату выдачи дополнительного свидетельства.

С 1838 года Синодом устанавливалось, что причты ежемесячно должны отчиты-

ваться о ведении книг, подписывая их и подводя итог о количестве умерших, рожденных, сочетавшихся браком. Именно эти справки помогают современникам в выявлении определённых факторов демографического развития России. При этом необходимо отметить, что Синод постоянно издавал указы и распоряжения с обращением внимания на неисправность ведения метрических книг (Указы Правительствующего Синода от 1838, 1886, 1889, 1890, 1903 годов), внося новые инструкции.

Кроме контроля Синода существовал и внутренний ежегодный контроль заполнения книг со стороны Епархиального Архиерея. В качестве замечаний Преосвященный указывал на отсутствие фамилий родителей и восприемников. Не во всех случаях указывалась законность или незаконность рождения. Если ставилось незаконное рождение, то не указывалась причина этой незаконности (вдова ли женщина, девица ли или замужняя жена). В графе о рождении нередко писалась только мать-вдова, или солдатка, с оговоркой «родила законно», а сведений об отце не было. Преосвященный уточнял, что «…данные недостатки влекут за собой различные дознания и формальные следствия о рождении и крещении лиц, что крайне обременяет лиц, просящих о выдаче метрических свидетельств, а также следователей и Епархиального Начальства»[20].

Наличие метрического свидетельства имело большое значение, оно выдавалось даже и незаконнорожденным младенцам. Например, на основании Предложений Господина Синодального Обер-прокурора от 10 декабря 1867 года за № 6578 и Председателя Санкт-Петербургского Опекунского Совета за № 6600 закреплялось, что детей, приносимых в Воспитательные Дома в первые 10 дней после рождения, необходимо беспрепятственно принимать во всякое время дня и ночи. Если у принятого ребёнка нет метрического свидетельства, то его могли забрать безвозмездно мать или другие лица в первые 6 недель после отдачи в Дом, после этого срока дети не возвращаются никогда. Если ребенок поступал в Воспитательный Дом в возрасте больше 10 дней от рождения, то он обязательно должен иметь конверт с документами: церковное метрическое свидетельство о рождении и о крещении, заполненное в строго определённой форме и с приложением церковной печати. На конверте должна быть надпись: «… Метрическое свидетельство незаконнорожденного младенца (имя рекЪ, но без фамилии), выданное (в такой-то) губернии, (такого-то) уезда, (такого-то) города или села Священником (такой-то) церкви (имя рекЪ)[21]. Конверт должен быть запечатан церковной печатью. Если ребенок в Доме умирал, то конверт сжигали, а если родственники его забирали из Воспитательного Дома, то запечатанный конверт с его метрикой им выдавался, но после уплаты денег за содержание ребёнка в Доме.

Епископы и консистории рассматривали большое количество дел, которые требовали подтверждения рождения или уточнение характеристики конкретного лица. Для запросов обязательно было соблюдать требования. В зависимости от уровня подаваемого прошения требовалось определенное качество бумаги. Например, прошение в Консисторию можно было сделать на простой бумаге или гербовой, но низшего достоинства. При обращении к Епархиальному Начальству требовалась более качественная бумага 3-го разбора[22]. Необходимо было также соблюдать правила и особенности подачи документов по разным видам дел.

В архиве Орловской консистории встречается большое количество прошений к действующим епископам о разрешении спорных вопросов. Обращаться к Епископу для уточнения информации или дополнительного разрешения в спорном вопросе могли представители всех сословий. В большинстве случаев Епископ решал вопросы положительно. Например, прошение орловского мещанина Платона Стефановича Кухрева, который получил отказ от приходского причта Орловского Кафедрального Петропавловского собора, т.к. дочери не вышло законного времени для вступления в брак. Он обратился к Епископу о разрешении венчания его дочери, девицы Александры, с крестьянином Болховского уезда Селиховской области Ларионом Захаровичем Титовым. Кухрев приложил выписку из её метрики: «Девица Александра была рождена 29 мая 1864 года, а в момент прошения на венчание (6 февраля 1880 года) ей не хватало «трёх месяцев с днями» до законного срока…»[23].

Епископ откликнулся положительно и разрешил повенчать дочь, «если с соблюдением всех добрачных предосторожностей, не окажутся другие законные к тому препятствия»[24]. Или такое же прошение, но уже мещанина Мефодия Васильевича Филатова. Он также просил Епископа о разрешении его дочери Евдокии венчания до положенного законного срока с орловским мещанином Федором Алексеевичем Муравьёвым. Епископ Симеон положительно отреагировал[25]. К данному документу также прилагалась выписка из метрики девицы Евдокии. Уже к середине века существовали выверенные формы выписок из метрик. Если выписка не требовала каких-либо дополнительных доказательств, то она выдавалась в той же церкви, где совершался обряд крещения. Если были спорные моменты, то для сведения информации уже обращались к информации Духовной консистории.

Светские органы также могли свидетельствовать об отсутствии препятствий к вступлению в брак. Например, сохранилось свидетельство от 26 января 1889 года № 7651, которое было предоставлено статскому советнику Пафнутию Жердевскому, жившему в городе Орле, из Орловского городского Полицейского Управления для предоставления приходскому духовенству Орловской Соборной Церкви. Свидетельство выдавалось для удостоверения, что нет препятствий к вступлению в первый законный брак дочери титулованного советника – девицы Евгении Петровны Жердевской[26].

Кроме свидетельства о рождении могли предоставить и выписку из исповедной книги. Например, сохранился документ от 1888 года из Болховского уезда села Черного Дворовина, по которому девица Матрона Леонидовна Козлова «…в Успенский пост говела и Святых Таинств удостоина…». Этот документ ей выписал сам её духовник, приходской священник Иоанн Булгаков[27]. И эта форма характеристики лиц была достаточно распространена, она выполнялась на гербовой бумаге, с приложением различных церковных печатей и марок.

Но не всегда Епископ давал положительное решение на внесрочное венчание. Примером этому может служить отказ вдове – крестьянке Орловского уезда Покровской волости деревни Коневки Просковье Бабинковой. Она обратилась к Епископу за разрешением венчания его разорившемуся сыну Емилиану, которому не хватает 6 месяцев до законного срока, но ему отказали с переносом венчания на 1 год[28].

Метрические книги помогали священникам в разъяснении спорных ситуаций, связанных с вопросами и о кровном родстве. Например, крестьянин Покровской волости Орловского уезда Подмонастырной слободы Михаил Дмитриевич Селехов засватал свою дочь Марию Михайловну за крестьянина той же Покровской волости и того же селения Федора Михайловича Федорова, но выяснилось, что он находится в далёком кровном родстве с невесткой, что является преградой для его венчания. На данное прошение Епископ отреагировал положительно, так как между ними было больше пяти степеней кровного родства. При этом Епископ направлял запросы в консисторию о выдаче выписки из метрических книг и выявлении степени родства[29].

Таким образом, исследователю метрик открываются родственные и дружеские связи жителей Орла и Орловской губернии, имена владельцев городских участков и помещиков близлежащих деревень, особенности сословного расселения горожан. В церковных записях о крещении, бракосочетании и отпевании умерших встречаются знаковые фамилии дворян и мещан, военных и духовных лиц, купцов и чиновников. Последние представлены в таком количестве, что из них можно составлять примерные списки сотрудников Уголовной, Казённой и других государственных учреждений разных лет, списки учителей народного училища и гимназии начиная с XVIII века, педагогов и профессоров духовной семинарии. Метрические записи также предоставляют сведения о демографической ситуации в губернии, о количестве жителей Орла по приходам, включая число родившихся по годам, и причины смертности горожан; сведения о городских происшествиях, об эпидемиях, о жителях богаделен, об арестантах, о жертвах пожаров и ударов молний, о других событиях XVIII и XIX веков[30].

Проблемным местом всех метрических книг как исторического источника является сохранность. К типичной проблеме условий хранения метрических книг в церквах, а затем ещё «не окрепших» советских ЗАГСах добавилось и «эхо войны». По неко-